

looking through - delliriym (REIN MAN)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

ПСИХ

18+

АРЧЕР СВИПИ .

Арчер Свипи
Псих. Часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Свипи А.

Псих. Часть 1 / А. Свипи — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98818-7

В центре сюжета небольшой провинциальный городок, где происходят странные события. За последние пару месяцев из жизни путём повешения уходит более 100 человек, у которых не когда не наблюдалось склонности к суициду. Всё бы продолжалось, если бы в один из осенних вечеров на улице злачного района города не нашли тело предпринимателя, оказавшегося лучшим другом Офицера полиции Мориса Ревила. Морис решает, чего бы ему это не стоило, разобраться в случившемся, даже не подозревая, в какой омут ужаса затянет его это расследование. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-98818-7

© Свипи А., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог. Начало круговорота	5
Начало погружения. Сумасшествие между строк	10
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Арчер Свипи

Псих. Часть 1

Пролог. Начало круговорота

Ночь окутывала улицы тёмным свинцовым одеялом, обволакивая свет фонарей, тот самый свет, являющийся последней линией обороны, противостоящей тьме. Этот свет – надежда для ночных путников, идущих по тёмным переулкам домой.

Солнечные лучи давно покинули этот мир.

На их место пришли тени, шорохи, отблески лунного света на водной глади луж и окон домов.

Мир находился во власти луны и её приспешников звёзд.

Лишь тёмный заблудший силуэт в одиночестве бродит по окраине города.

Потёртые светло-коричневые ботинки со сбитыми носами шуршат по асфальту, звук шагов отражается эхом от стен домов, звук шагов варварски разрывает тишь одиноких улиц.

«Человек – разрушитель, человек – шумный ребёнок, сеющий хаос, – подумал Мики, когда спугнул мирно спящего кота у мусорных баков, виновато полусжёпотом сказав ему вслед: “Извини”. Социофоб, временами просыпающийся в сознании Мики твердил – с животными все проще: они не лгут, не предают, они такие, какие есть, и этого не стыдятся, они не боятся показывать чувства, вся их быстротечная жизнь – это сплошное проявление искренности, от рождения, встречая радостно солнечные лучи сонными глазками, и до момента, когда эти глазки наполнятся грустью и навеки закроются». Человеку, как бы это глупо не звучало, было стыдно перед животным.

Настроение у Мужчины было крайне подавленное, и все вокруг начинало иметь смысл, если даже его там и не было.

В осеннем воздухе летала дымка спокойствия. Даже не верится, что этот сумасшедший город с вечно бегающими, суетящимися людьми – хомячками, вертящимися в золотом колесе – клетке с целью материализовать свои ожидания от этой жизни, подкрепляя это завышенными амбициями, может быть таким беспечным. Купаясь в реках долгов, обещаний, ссор, слез о неразделенной любви и засыпая эти реки песком из алкоголя, нервных срывов и наркотиков, «хомячки» ощущают себя живыми, только лишь когда песок, падая, образует остров страсти, сплетения двух тел, отдыха, кружки горячего кофе напротив монитора. Этот островок из песка носит имя – дом. Ночь – это то время, когда все хомячки скидывают свои маски, приклеенные социумом, скидывают пиджаки и платья и облачаются в истинные нежные шкурки и, улыбаясь, выходят на улицы, смотрят сериалы или, уткнувшись в книгу, жадно впитывают истории, написанные уставшим мечтателем, спасающимся от этого мира в своём идеальном измерении, или сумасшедшим, это уже с какой стороны взглянуть. Ночь – это лишённая лицемерия дама, стучащая в дверь и предлагающая корзину, наполненную мыслями, весельем, мечтами, сексом, безрассудством и свободой – всем тем, чего так не хватает уставшим хомячкам, все самое великое, а также ужасное, рождается, покуда никто не видит, и ночь – это именно та зона слепоты.

Мики наслаждался этой ночью как никогда, впитывая прохладный воздух и пиная листья, время от времени попадающие под ноги.

С каждым шагом Мики приближался к месту, где прожил большую часть своей жизни. Каждый дом, каждый камушек был до боли знаком-ностальгия. Вот это отверстие в стене от дробы оставлено мужичком, который в пьяном угаре пытался заставить спуститься к нему жену

и с ним поговорить, пальнув при этом из охотничьего ружья в стену и разбив камнями пару соседских окон. Жена мужчины была крайне удивлена, вернувшись из продуктового магазина, застав мужа в компании полицейских, ещё большее удивление было у самого дебошира, когда, протрезвев, он осознал, что дома никого не было и он, поднявшись к себе в квартиру, взял ружье и, спустившись вниз, кричал и пугал людей. А все соседи... Не надо было рассказывать сплетни пьяному человеку об изменах жены, которые они же сами и придумали. Сплетни – это вечная проблема небольших городов, где каждый пятый человек – твой знакомый.

В конце улицы виднелись очертания старого полуразрушенного здания театра, освещённого яркими, противными, рыжими фонарями. Здание было давно заброшено, и единственными посетителями «представлений» была местная шпана, прячущаяся от подростковых проблем по тёмным углам с бутылкой чего покрепче. Театр – институт становления личности. Именно тут дети понимали всю брэнность жизни и превращались из мальчиков и девочек в мужчин и женщин, наполняя стены развалин стонами под звуки музыки из динамиков телефонов и переносных колонок. А если забраться по деревянным перекрытиям на крышу, то можно было устроить свидание под звёздами или переночевать.

Это было уникальное здание: отель, притон, школа жизни, место рождения и проживания большинства субкультур города. Театр признали исторически важным объектом, не могли его снести и также не могли отремонтировать из-за отсутствия финансирования и наличия дорогих машин и загородных домов у членов управления городом. По мнению Мики это было взаимосвязано. Театр выглядел как нечто выбивающееся из общей картины города, то, что всем своим видом выдвигает протест против системы и не поддаётся изменению и времени, оставляя за собой право называться носителем своего, присущего лишь ему, своеобразного, аутентичного внешнего вида.

Серые переулки сменились яркими вывесками. Повсюду светились таблички – вывески, заманивающие заблудшие души.

– Да... – вздохнул Мики, – трудно представить, что когда-то это было очень даже приличное место. Вместо этого мотеля, скажем, была школа для одарённых детей, – произнёс Мики, проходя здание из красного кирпича с полукруглыми окнами на верхних этажах. Когда-то семейка Мордео проживала в этом квартале в уютной квартирке, где по утрам играла музыка и пахло кофе, а по пятницам утром Мария – жена Мики – готовила блинчики, напевая песни, игравшие в тот момент по радиоприёмнику.

Её голос был завораживающим, живым, наполненным красками, как будто. Иногда казалось, что если она замолчит, то певичка на записи просто будет не в состоянии закончить песню и, сделав пару попыток спеть, замолчит. Вспоминались выходные дни, когда после завтрака семья усаживалась за стол и, Мери доставала свёрнутые листочки, из коробочки набросанные за неделю, с предложениями, куда можно пойти на выходных – это было некой традицией – вместе решать и планировать отдых.

Задорный смех детей – сына Генри и дочки Лизи – звучал в голове, Мики искренне улыбнулся в пустоту. Возвращаться сюда было волнительно, а для расшатанной нервной системы Мики это была мука, Приняв пару таблеток-психоделиков, запив их односолодовым виски с чёртиком на бутылке и выкурив полпачки сигарет, заглушив паранойю и страх, мучащий в последнее время, мужчина шёл, зная, что это последняя прогулка в его жизни.

Ослепляющая вывеска прожигала ночь. Название – «Падший ангел» – было подходящим для ночного клуба, славящегося огромным выбором ночных бабочек. Напряжение нервной системы увеличивалось в геометрической прогрессии. Задорно завывая, протяжно свистнув, протиснувшись через щель между домами, ветер схватил невидимой рукой пустой бумажный пакет из забегаловки быстрого питания с изображением пухлого, довольного на первый взгляд своей жизнью мужичка с натянутой до ушей улыбкой и взглядом, наполненным безразличием к происходящему. Физиономия была похожа на восковую маску, надетую явно лишь

на время рекламы. В одной руке пухляк держал что-то сплющенное с вываливающимися кусками мяса и потёкшим по булке сыром, присыпанным чем-то напоминающим чёрный перец, это нечто напоминало отдаленно многослойный бутерброд, раздавленный подошвой ботинка, заново собранный и повторно засунутый между двух булок. Рекламщики где-то просчитались – это вызывало лишь отвращение, а не голод и интерес. Красными большими буквами на упаковке был написан слоган компании: *«ЛУЧШАЯ ЕДА ДЛЯ ЛУЧШИХ ЛЮДЕЙ, НАКОРМИМ БОГАТЕЯ, БЕДНЯКА, ВЕДЬ НЕВАЖНО, КТО ВЫ, ГЛАВНОЕ, ЧТО В ЖЕЛУДКЕ ВКУСНАЯ СЫТНАЯ ЕДА».*

– Они думают, что если бы у людей были деньги, они бы пошли в эту дыру?! Был бы у людей выбор, куда пойти, они бы это не выбрали. Люди забыли уже, как выглядит нормальная качественная одежда, еда и прочее, в чем нуждается человек. Люди страдают от навязанных мнений, и стереотипов, находясь под прессом непонимания и осуждения. Они впитывают всё, подобно губке заведомо соглашаясь со всем, убивая последнее, что осталось от собственного мнения – мужчина злобно ворчал, рассматривая обрывок упаковки.

Взгляд скользнул по правой руке здоровяка. Причудливо загнув безымянный палец и развернув тыльной стороной ладонь, он демонстрировал идеальные ровные ногти и безупречные ухоженные руки, не было даже намёка на то, что этими нежными руками всерьёз работали. Как может рекомендовать что-то тот, кто не имеет представления о жизни обычных рабочих, решивших по-быстрому сбежать в «гости к изжоге и гастриту» во время обеденного перерыва. Зайдя в обитель развалившегося нечто в руках у человека с этикетки, можно с уверенностью заявить, что этот рекламный карапуз ни за что на свете добровольно не перешагнул бы порог забегаловки, чью рекламу он так ярко продвигал. Весь его вид был явной издёвкой и насмешкой над всеми бедолагами, кто купится на его розовые пороссячы щеки и решит прийти в забегаловку с громким названием «ресторан». «Приходите, я вас жду. Мы ждём вас, вас ждёт дорога к сытости и счастью, вы будете есть, есть, есть, есть... ха-ха-ха... пока не сможете встать, вы не уйдёте от нас, я вас жду...»

Рука схватила бумагу и кинула на асфальт. Тяжёлый ботинок со злостью пнул здоровяка прямо в нос.

– Нет, нет, не надо! – вскрикнул толстяк. – Нет!!...

Башмак с силой обрушился, сровняв с асфальтом несчастное лицо, крик стих.

– Ненавижу напыщенную рекламу. «Мы лучшие на рынке, приходите, мы высосем из вас деньги, верьте нам, верьте», – Мики шипел, как расплавленный металл, брошенный рукой кузнеца в ледяную воду.

Он сам не понимал, чем обычный кусок бумаги его так раздражал.

Затылок горел, голова была как раскалённая сковорода, казалось, ещё немного – и волосы начнут плавиться, и кожа, обугленными кусками отваливаясь, обнажит череп. Мики приподнял подошву своих ботинок. Здоровяк больше не кричал, это был мёртвый, неживой кусок бумаги. Мики истерически смеялся, было неважно, что говорящая бумага – всего лишь плод бурного воображения Мики, было чертовски приятно размазать эту наглую физиономию. На улице было подозрительно тихо и безлюдно. Окраину «огрели тяжёлым валуном», передавив всех местных жителей.

У Мики промелькнула мысль: «А что если это всё неслучайно, и что-то затевается, и все специально в страхе прячутся по укромным местам, боясь за свои шкуры?»

– Это бред... Но... вдруг они меня нашли? Никто из разумных не высунется на улицы, когда они выходят из тени. Вдруг они узнали?!

Мики прервал свои размышления. В каждом углу мерещились тени, шорохи. Чей-то хриплый смех прокатился по переулкам. Всё приходило в движение. Паника захватила тело, дышать становилось всё тяжелее, голова пылала огнём.

– Они повсюду! Они повсюду, они не отпустят меня! Они не отпустят!

Мики опёрся на стену, её холод и сырость, ощущавшиеся на коже, хоть как-то держали в мире реальности. Все разделилось на чувства за туманом и в тумане. О реальности напоминали лишь телесные ощущения. В данном случае спасителем выступал холод и старая потёртая кирпичная стена здания бывшей библиотеки – нынешней пивной.

В тумане бродили тени – тени прошлых событий и додуманных непосредственно воспаленным разумом Мики картин из несуществующих реальностей. Их ворчание сливалось в единый ужасный рокот. В детстве Мики рассказывали историю о звере, живущем в лесу на окраине города, по представлению Мики, именно такие звуки должен издавать зверь. Тени стонали, сердце – ещё немного – и вот-вот выпрыгнет из груди, тело парализует ужас и паника. Тени слились в одно пятно, приняв силуэт человека – тощего парня в рваном пиджаке. Парень поклонился и озарил Мики своей улыбкой.

– Мики, Мики, это уже паранойя. Ты опять себе все навывдумывал. Спокойствие, это твоя фантазия, это все яд в твоём теле, он убивает тебя. Это иллюзия, иллюзия того, что боль уходит. Ты не замечаешь, как ты гниёшь душой, зачем?!!

Голос был мягким, с нотками неприкрытой нежности и заботы. Обычно голос подсознания – это отражение твоего собственного голоса, но на удивление Мики голос был женским, знакомым, родным. Голос проникал во все клетки тела и болью пронзал грудь и голову. Голос был туманным и смазанным, но его было не спутать ни с чьим другим. Голос Марии жёг изнутри и топил восприятие в «мягкой тёплой вате».

Туман окутал сознание, связав его плотной верёвкой. Из всех щелей, дверей, окон и даже из трещинок между камнями клубами вырывался тёмный беспросветный туман. Глаза не видели.

– Тук-тук-тук-тук-тук-тук-тук... Это я, твоё сердце.

– Уважаемый, у наших стен паническая атака, – звучал вялый, на этот раз тот нужный мужской хриплый голос, принадлежавший самому Мики.

– Заткнись! Все в порядке...

– Скажи это своему телу, аха-ха... а не мне.

– Заткнись, я в порядке, я же сказал...

– Дорогой, он нас спасёт, не беги! Дорогой...

– Заткнитесь...

Силуэт, подобно туману, скользил сквозь предметы и, продолжая улыбаться, приближался. Воздуха не хватало, тело немело, лицо Мики побелело и в ужасе застыло.

– Не бойся, друг мой, все реально. Ты не сумасшедший, – прошипела тень.

– Я реален, а не остаточный эффект от препаратов, что ты принял. Это не конец. Не бойся.

Холодная, как лёд, рука коснулась щеки Мики.

– Игра не закончена, песня не спета.

Раздвинув онемевшие от ужаса пальцы, тень вложила нечто в руку Мики.

– Выходи из тумана. Выходи, они рядом, выходи! – ревел внутренний голос. Незнакомец озадаченно нахмурился, взгляды встретились, по телу вновь разлилось тепло. Глаза были живые и пылали пламенем, и в них было столько страсти, разума, безумия и нежности, переплетающейся с любовью, что казалось – все доброе, злое, светлое и тёмное, абсолютно всё – это его глаза.

Мики сам не заметил, как улыбнулся в ответ тени, и на душе стало спокойно.

– Друг, беги, доверься, ради всех них...

Боль электрической волной, подобной глотку свежего воздуха, облетела тело от головы до кончиков пальцев на ногах. Туман со свистом втянулся в трещины близлежащих строений. Шляпник лишь улыбнулся напоследок и, громко смеясь, исчез.

Мики с диким смехом со всего размаха врезал по кирпичной стене. Удар, удар и вновь удар, рубашка с треском разорвалась на лоскуты и обернулась вокруг разбитых костяшек. Рука ныла, кровь просачивалась через ткань, оставляя красные отметины на синем лоскуте, боль вернула в реальность.

Мики прошёл до середины улицы и остановился у того самого дома, где когда-то жил.

– Ну что, я готов! Я жду! Где вы?! – крикнул во всю глотку Мики.

Долго ждать не пришлось – на асфальт упала тень. Тень бесшумно меняла свой размер, пока из-за угла не высунулась морда с засаленными взъерошенными волосами. Морда улыбнулась кривыми зубами и скрылась за углом. Раздался истерический крик, сопровождаемый звуком лязгающего металла. Психопат на всех парах летел к Мики с двумя тесаками и болтающимся шлангом от противогаза, который тот натянул в качестве маски, на ногах не было обуви – здоровяк был босиком. Мики едва успел закрыть дверь перед носом нападавшего, старая задвижка, лязгнув, попрощалась с этим миром, перед тем как мощный удар выломал дверь.

– Стой, мясо!! Я поймаю тебя, нечестивец!! Ты осознаешь свою ошибку!! – крикнул здоровяк, сняв противогаз и метнув его в сторону убегающего. Захлопнув дверь, Мики оказался в до боли знакомой гостиной. От былой жизни здесь осталось только кресло, хлам, и сам Мики.

– Я тебя достану, птичка моя, и сожру! – кричал психопат, пытаясь разнести дверь. Теперь, когда Мики знал, кто конкретно его преследует, ему было уже не так страшно. «Гораздо страшнее, когда не знаешь, кто рычит в темноте, чем когда видишь перед собой волка и примерно знаешь, что от него ожидать».

– Ты не веришь! Я заставлю тебя уверовать! Свинья!

Дверь содрогалась от ударов огромного мясницкого тесака.

Мики сидел в кресле и, закулив, ожидал конца, крутя в руках полированную бензиновую зажигалку.

Начало погружения. Сумасшествие между строк

– Ого, да тут уютно. Хоть это и пристанище тараканов и крыс, но прошлые хозяева знали толк в уюте. Стив, ты только посмотри, какое шикарное кресло!!

– Обычное кресло.

– Обычное! Обычное кресло? Да ты зажрался! Ты взгляни, оно ведь просто огромное, на него можно влезть не то что с ногами – в нём можно свернуться калачиком и спать. Будь я огромным котом, я бы из такого кресла даже не вылезал – жил бы в нём.

– Может, ты остальное осмотришь?

– Да что тут смотреть? Старая мебель: пара стульев, стол, детская колыбель у стены и, конечно, шикарное, хоть и вонючее, огромное кресло. Аха-ха! – Фил потёрся щекой о спинку кресла, прищурив глаза.

– Давай работать, барахольщик!

– Ладно, занудный старикашка.

– Я всего на два года старше тебя! – возмутился Стив.

Старый камин, по-видимому, был отдушиной хозяев-деревянный короб расписывали вручную.

– Луна, звезды, ты посмотри, это ведь нарисованное звёздное небо. Обожаю бытовой фольклор. По-видимому, это столовая, она же гостиная. Квартирка не очень большая, и по ночам столовая становилась местом романтических посиделок, пока... – Не закончив предложение, мужчина открыл соседнюю комнату.

– Пока дети спали. Две кровати, изрисованные обои. Эх, чем-то детство напомнило, я так же обои изрисовывал и цемент из стен выковыривал.

– Фил, это все, конечно, замечательно, твои навыки дедукции поражают, ты прям Шерлок, но это не жилое помещение. Тут много лет никто не живёт, и все эти вещи скапливались тут годами. Каждый раз, когда кто-то из хозяев съезжал, оставались ненужные вещи. Это вещи разных людей.

– Как будто я этого не понимаю, – обиженно протянул Фил.

– Ты не понимаешь, у всех мест своя душа. Если понять все об определённой локации, ты узнаешь подробности о людях, бывающих и бывавших в ней, это новые истории и новые сюжетные линии, а это пища для ума, развивающая фантазию. К тому же я уже все осмотрел, и мне довольно скучно – вещи оставались на местах, их никто не передвигал, об этом говорит слой пыли. Двигали только кресло, смотри на следы грязи на полу... Мне лень тебе объяснять... Будь ты хоть немного наблюдательным, сам бы заметил. Единственное, что меня смущает, это то, что окно разбито телом... хм, пострадавшего.

– И что тут странного?

– Вот если бы ты захотел выпрыгнуть из окна, ты бы разве не открыл створки оконной рамы?

– Продолжай.

– Он чертовски чего-то испугался, и это нечто или некто страшнее смерти. У него не было времени на раздумья. Мой вердикт – убийство. Именно поэтому... – Разговор прервал звук с улицы.

– Фил!! Фил! Где ты?!

– А-а, черт, что он хочет?.. Подошёл к окну, рукавом кофты, боясь порезаться, взялся за оконную раму, выглянул наружу.

– Чего разорался? У тебя туалетная бумага закончилась? Или тебя пристегнула красотка к кровати и села тебе на лицо, а у неё там... здоровенный волосатый прибор? – Стив свалился со смеху.

– Завали... кретин! Тащи сюда свою тупую морду, я буду с тобой разговаривать, хочу посмотреть, как у тебя рожа меняется, когда ты слышишь незнакомые слова!

– Ты бы лучше шутить научился!! – крикнул Фил и вальяжно зашагал по лестнице.

– Стив, я пойду узнаю, что от меня хочет этот кретин, и вернусь, не скучай.

* * *

– Зачем звал, просто так или хотел покомандовать, самоутвердиться?

– Ты бы поуважительней разговаривал с начальством, а то и с работы вылететь можно... – шёпотом пригрозил собеседник. Фил проигнорировал угрозу.

– Я шучу, – на всякий случай сказал Фил, опасаясь, что угроза осуществится и денежная дыра у него в кармане станет ещё больше, от этого человека можно было ожидать всего.

– Ну что тут у вас, Кристиан? – обратился Фил к врачу умышленно избегая продолжения разговора с непосредственным начальником.

– С виду ничего не обычного: порезы на лице и теле от стёкол, открытый перелом правой руки, разбитая голова и перелом шейных позвонков – травмы, полученные в результате падения.

– Но?? Ведь есть какое-то «но», оно всегда есть, ведь так?

– А ты догадливый...

– Смотри, вот эти следы.

– Об него что, окурки тушили?

– Нет, это нечто необычное, как будто кто-то коснулся пальцами обеих рук кожи и прожёт тело насквозь, при этом кожа не прогорела, она застыла, подобно пластику.

– Хм... Какая-то чушь, честно говоря.

– Знаю, но это единственное предположение, откуда могли появиться эти следы.

– Да это прям фантастика какая-то, следы, пальцы... А летучих тарелок тут, случайно, нет?

– Да ну тебя, шутник.

– Знаешь, Фил, мне кажется, этот смерть несёт в себе гораздо больше информации, чем кажется и отличается от других случаев суицида происшедших за последнее время, тут хотя бы какие-то следы есть.

– Крис, я уже об этом догадался, когда увидел капли крови на полу и превратившуюся в труху входную дверь, но пока что этого мало, чтобы делать выводы. Но то, что всё это связано, это точно, иначе зачем состоятельному человеку ночью ехать в эту дыру? Это всё не так просто, как кажется.

– Угу... Ты мне лучше скажи, ты звонил Морису?

– Я... пока не решил, как ему это сказать. Закончу работу и съезжу с парнями к нему. Это не телефонный разговор... Он всё-таки...

– Фил, ты нашёл что-то в квартире? – бестактно прервал разговор капитан Жан. Морис – напарник Фила – всегда удивлённо вскрикивал в таких ситуациях: «Господи, как такое имя могло достаться такому уроду?!» По мнению Мориса, это было крайне романтичное имя и не подходило такому невоспитанному и алчному человеку.

– Нет, – всем своим видом выказывая презрение, прошипел Филипп. – Не нашёл, но это именно тот случай, когда важно не то, что находится в комнате, а то, где находится эта комната. А именно – что этот человек тут делал? Но это я уже говорил, повторил так, для информации. – Крис отвлеченно смотрел в сторону.

– Фил ты знаешь этих клоунов? – Фил повернулся.

– Нет.

– Эй!.. – Жан перебил Фила своим криком. – Вы чего тут трётесь?! Вход за ограждение запрещён, убирайтесь!!

Два человека в чёрных фраках, будто вернулись только что с похорон, не реагировали на угрозы и просьбу удалиться.

– Эй, вы что, глухие? – не унимался Жан. Мужчины стояли и по-прежнему не реагировали.

– Сюда нельзя посторонним! Убирайтесь!

Один из не званных гостей устав слушать крики Жана, улыбнулся рядом жёлтых зубов и, показав средний палец, пошёл к центральному входу в здание. Жан буквально закипал, ещё немного – и у него из ушей повалил бы пар.

– Эй, вы, недоумки, выведите их отсюда! – Жан крикнул молодому стажеру из академии полиции, проходящего практику. Молодой парнишка, вздрогнув, галопом помчался исполнять приказ.

– Зачем ты его отправил? Он ведь зелёный. А если это не просто зеваки и у них оружие? – Достал пистолет из кобуры.

– Не учи меня с подчинёнными разговаривать! В папочку решил поиграть, пускай учатся.

– Надо сначала показывать и обучать, а потом уже требовать...

– Замолчи, Филипп, из-за твоего мягкотелого бреда какие-то проходимцы утащат что-то важное с места преступления, а потом подкараулят возле дома и воткнут нож между рёбер.

Фил не мог понять: Жан бредит или он серьёзно верит в то, что делает благое дело, боясь что-то делать сам и подставляя неопытных парней. Один из мужчин, стоящий у стены, не обращая внимания на подбегавшего стажера, что-то засунул во внутренний карман пиджака, сделав это крайне медленно и пренебрежительно, будто специально хотел, чтобы это заметили окружающие.

– Ты это видел?

– Эй, Рон! Вяжи его, проверь карманы.

Рон получил оплеуху от желтозубого и ретировался. Фил взвёл курок. Ему было уже не до шуток, он надеялся на психологический эффект – люди всегда сговорчивы, когда их жизни что-то угрожает. Пуля вонзилась в пятнадцати сантиметрах от ног человека в фраке, тот лишь оскалился краем рта и кивнул второму, похоже, они именно этого и ждали. Второй убежал вверх по лестнице, преследуемый стажером. В момент, когда Фил отвлёкся на убегающих, его оппонент прыжком сократив дистанцию, со всего размаха зарядил полицейскому с ноги под дых. Задыхаясь, Фил согнулся пополам. Нападавший Рывком развернул мужчину к себе спиной, приставил его же пистолет к его голове.

– Двинетесь – убью.

* * *

Старомодный, обтянутый кожей комод занимал большую часть комнаты. Старые выцветшие обои в некоторых местах лоскутами свисали со стен, виниловый проигрыватель на комод, стопки книг и пластинок – ничего, что имело бы отношение к делу. Стив изо всех сил пытался найти что-то необычное, чтобы оправдать возложенные на него ожидания и доказать Филу, что он способен не только на перебирание бумажек. Но, к его разочарованию, каждая попытка это доказать заканчивалась провалом, сегодняшний день не исключение.

– Черт, я бесполезен, – прошипел мужчина как можно тише, опасаясь, что кто-то может быть поблизости и услышит. С досады пнув стиральную машинку, изъеденную ржавчиной, выругавшись, Стив собирался продолжить поиски, но в комнате с камином послышалась возня.

Стив приоткрыл дверь, собираясь позвать Фила, думая, что это он, но вместо Фила он увидел тело молодого паренька. Стив видел его утром, тот разговаривал с Жаном, стажер, кажется. Стив надеялся, что он живой, без сознания, но всё же живой. Неизвестный мужчина худого телосложения в чёрном похоронном костюме, с принтом в виде безумной улыбки с стекающими слюнями и с неестественно белыми волосами – похоже, они были крашеными – возился у камина. Стив закрыл дверь.

«Фух... не заметил...» – подумал Стив. Стараясь не дышать, чтобы не спугнуть гостя, Стив достал пистолет из кобуры и, распахнув дверь, выпрыгнул в сторону камина.

– Что?.. Где он?.. Черт, неужели он за спиной?.

Стив резко развернулся навстречу летящему удару, голова на секунду «превратилась в колокол», Стив упал. Нападавший уже восседал сверху, злорадно скалясь. Стив махнул рукой в сторону физиономии, но беловолосый с лёгкостью заломил руку.

– Что это ты ручками размахался? Ручки лишние – так мы их поотрываем...

Его голос был мерзким, сюсюкающим, как у маньяка из сериала, лапающего связанную жертву.

– У меня к тебе вопрос как к человеку, чья жизнь – игра. Хочешь снова стать собой?

– Заканчивай с заигрываниями и возвращайся в бюро ритуальных услуг, ты ведь там костюмчик взял?

– Тс-с-с-с, какие очевидные шутки, но стоит отдать должное, для такого слабака, как ты, это довольно остро. Человек – игра, человек – азарт. Ты не устал еще себе внушать, что ты способен жить обычной жизнью?

– Что? О чем ты?

– Ха-а-а-аха-а, опустим эту тему, у меня нет на это времени. Перейдём к делу. У меня есть игра, достойная тебя, самая крупная игра в твоей жизни и, что самое важное, очень дорогая игра.

– Я тебя не понимаю.

– Тс-с-с-с, вот это. – Показывает карточку.

– Я положу тебе в кармашек. Если ты решишь стать вновь собой, обращайся. Для тебя ведь мука – находиться в сырой реальности, голубчик... И знай: звони только по поводу игры, а то мы найдём всех, кого ты знаешь.

* * *

– Стой, не стоит этого делать, не стреляй – Крис пытался разрядить обстановку.

– Номер 2, как обстановка? – крикнул беловолосый, с опаской выглянув из-за угла.

– Можешь выходить.

Беловолосый быстрыми пружинистыми шагами приблизился к напарнику.

– Возьми это непослушное дитя с собой.

– Дитя... Ты кого ребёнком назвал?!

– Уходим!!

– Ага, хорошо, Змей.

– Не идите за нами, если не будете преследовать, он к вам вернётся живым в ближайшие часы, если увидим преследование, ему не жить.

Змей облизал губы, явно довольный собой, и, отвесив саркастично поклон, исчез между домами, прикрываясь Филом. Номер 2 неторопливо шёл через дворы. Дворы были пустынные, большая часть населения работала в ночных заведениях и днём отсыпалась. Надеяться на помощь Филу не стоило если бы кто то и встретился по дороге он вряд ли бы помог. Местные жители, состоящие в основном из бывших чиновников и бандитов, не были настроены лезть в дела других, да и, честно говоря, для них вид приставленного к чьей-то голове пистолета был

обыденностью. Этот участок города был элитным районом для всех, у кого есть деньги, и он не подчинялся ни власти, ни законам. Здесь люди с деньгами подчинялись только людям с ещё большими деньгами. Фил мог в любой момент вырваться и обезоружить нападавших, по крайней мере, он надеялся, что физической подготовки хватит на это, но решил не спешить с этим и проследить за этой парочкой в качестве заложника до конечной точки увеселительной прогулки. Дойдя до арки, ведущей во двор большого жилого дома с треугольной крышей, с радостной ярко-оранжевой расцветкой стен и не дающими забыть о том, что дом находится на окраине, решётками на окнах, Змей, крутя ключи на пальце, пошёл в сторону новенького зелёного микроавтобуса с беспросветной тонировкой стёкол. Ярко-оранжевый дом и зелёный микроавтобус, слишком много цветных пятен в одном месте для этих серых улиц. Что ж, похоже, это и есть конец прогулки – ехать с ними Фил никуда не собирался. Метрах в пяти от полицейского лежал обломок металлической трубы, если успеть до неё добежать, можно попробовать обезоружить здоровяка и, забрав у него пистолет, управлять ситуацией, ну или просто вырубить. На махание кулаками не было времени, нужно все сделать быстро. Что-то подсказывало Филу, что этих ребят пара ударов по физиономии не остановит, и в случае, если они нападут вдвоём, шансов на победу будет мало. Змей открыл боковую раздвижную дверь и скрылся в автомобиле. Момент настал, локоть вонзился снизу в челюсть стоящему позади бандиту, пистолет был быстрым движением выбит из рук. Филипп вошёл в раж, забыв абсолютно о плане быстрой победы, нанося удары по лицу. Об этом ему пришлось вскоре пожалеть. Мощный удар сломал бедолаге нос. Серия ударов по рёбрам заставила Фила заскулить и вспомнить о запасном плане, а именно трубе, валяющейся на асфальте. Фил схватил трубу, собираясь хорошенько ею приложиться по крепкому телу. Подняв голову, Фил встретился взглядом с беловолосым, он стоял, опёршись на автомобиль, ехидно улыбался и наблюдал за ходом драки.

– Змей, ты ведь знал, что он начнёт сопротивляться, зачем ты дал ему ложную надежду на успех, оставив нас наедине? У него нет шансов против меня.

– Стоун, это его счастье, его фетиш – быть везде победителем. Не хотел разочаровывать его раньше времени.

– Змей, ты прав.

– Я вам головы поотрываю! Что вы несёте?!

– Тс-с-с, какой невежливый, перебивает, хамит, непорядок.

– Тс-с-с, дружок, поиграли – и хватит.

– Заткни это, Стоун.

– Не дождётесь, идиоты, думаете, вы крутые?

Фил бросился в атаку, Стоун, предсказав каждое движение Фила, увернулся от удара трубой, руки ужами обвили шею. Фил брыкался, пытался вырваться – все тщетно. Фил бил локтями, пытался перебросить оппонента через себя. Ужи сдавливали все сильнее, Фил чувствовал себя жалкой букашкой, попавшей под свёрнутую в рулон газету. В глазах потемнело, мерзкая улыбка беловолосого и толстая верёвка у него в руках – это последнее, что увидел Фил, перед тем как потерять сознание.

* * *

Работа вымотала Мориса за последние месяцы, отдыха не было, сон растворился в безумных буднях. По городу прокатилась волна самоубийств, и с каждым днём жертв становилось все больше. Морис сбивался с ног в попытках найти хотя бы мотив, заставивший вполне адекватных и особо не жалующихся на жизнь людей покончить с собой. Телефон разрывался от звонков, а голоса зарёванных родственников эхом звучали в каждом уголке черепной коробки. Помимо этого, Морису не давали покоя обстоятельства смертей, а именно то, что все люди ушли из жизни с помощью петли, и то, что ориентировочное время смерти всех жертв суицида

одно и то же – 3 часа ночи. Постоянное присутствие смертей и чертовщины в жизни Мориса и так доводило до диких приступов омерзения и тошноты, но тело маленькой 5-летней девочки, подвешенной в сарае, было перебором, трещиной в стенке сознания, через которую просачивалось уныние и боль. Казалось, что из груди вырвется душа и, не сдерживая тошноты, запачкает пол, а после, закурив, скажет: «Ну и х#рня». Морис был почти уверен, что практически во всех случаях – это было убийство, а не суицид, и, видимо, виновный в этом наблюдал за его действиями и оставил кровавую подсказку, в виде тела Паранойя всё чаще посещала мужчину. Полицейский пытался забыть эти маленькие впалые щёчки с немым вопросом «за что?», этот наполненный ужасом взгляд и изрезанные стеклом запястья. Мужчина проплакал целый час, держа на руках девочку, пока её у него не забрал приехавший судмедэксперт.

В облаке сигаретного дыма, наблюдая, как лучи света играют, проходя через стенки бутылки с ромом, Морис слушал тяжёлую музыку, сжигая эмоции и воспоминания о последних нескольких днях, топя их в алкоголе.

Стены плыли, Морис представлял, что город – это игрушка, и огромных размеров человек, смеясь, отхлебнув из чашки кофе, дёргает за нитки, запуская все процессы в городе. Дёрнул нить: из фонтана бьёт вода, влюблённые начали целоваться, в соседнем доме скандал, на детской площадке играют дети, а через улицу автомобиль вылетел в кювет, в роддоме заплакал новорожденный. Морис всем сердцем надеялся, что этот человек не дёргал за нить перед тем, как умерли эти люди, и что тот, кто дёргает за нити, крайне недоволен тем, что кто-то вершит судьбу вместо него.

– Надеюсь, ты накажешь этих выскочек, чёртов вершитель.

Гремел рок, разрывая колонки, вершитель разговаривал через песни с Морисом: «Ты тонешь, ты уже на дне, вдохни поглубже, не паникуй, переверни игру, твой путь – погружение...» Лучи солнца преломлялись, проходя через стекла, разлетающиеся по сторонам, бутылка из-под рома, выброшенная из окна, своё отжила.

Морис спал мертвецким сном, алкоголь сделал своё дело, отключив тело.

– Странно, дверь открыта.

– Ничего удивительного, Морис слишком беспечен. Он считает, что ему мало кого стоит бояться, а те немногие, кого все-таки стоит опасаться, не будут пробираться в квартиру, пока тот спит, а прикончат как-нибудь поинтереснее.

– Стив, иди поднимись на второй этаж. Я осмотрю первый этаж, кто знает, может быть, это не обычная небрежность и тут кто-то есть, помимо нас и Мориса.

В спальне была открыта дверь, это единственное помещение на втором этаже, где был включён свет. Стив пробирался по темноте ища выключатель, который обнаружился у входа в спальню, крайне неудобное расположение, по мнению Стива. Было уже довольно поздно, часы показывали 22:20, Морис, возможно, уже спал. Уверенным шагом Стив шёл вперёд, нарочно топя ботинками, обозначая свою доминантную позицию, над теми, кто мог, попытаться напасть из полумрака. Так ходит человек, на 100 процентов уверенный в своей безопасности – Когда рука лежит на кобуре пистолета, приходит спокойствие. Большая кровать, открытое окно, небольшой столик на колёсиках, аудиосистема и абсолютно никаких признаков наличия жильцов, даже кровать была аккуратно застелена.

– Хм-м... Может быть, он ушёл, а входную дверь забыл закрыть?

– Разговариваешь сам с собой.

К горлу приставили что-то железное и холодное. По спине Стива прошёл холодок.

– Кто такой? Друг или враг? Учти: от твоего ответа зависит, придётся ли мне менять ковёр или хватит обычной химчистки, чтобы отстирать пятна крови.

– Гл-л, – нервно сглотнул Стив. – Друг...

– Ха-ха-ха!

В дверном проёме стоял Фил.

– Я смотрю, я вовремя подошёл. Аха-ха, ну, ты, конечно, даёшь... Ты там в штаны не наделал?

За спиной уже всю хохотал второй голос.

– Мор, да убери ты уже эту штуку от его горла, а то помрёт с испуга.

– Штуку? Какую штуку, эту, что ли? – Открыл гладкую металлическую крышку и, чиркнув кремниевым кругом, поджёг фитиль бензиновой зажигалки.

– Идиот, не смешно, – сухо ответил Стив, развернувшись лицом к Морису.

– Да ладно, ладно, злой дяденька убирает зажигалочку. Не переживай, вампирёныш, не сгоришь, а то чирк – и кучка пепла.

– Мор, ты выпивший? От тебя за километр перегаром несёт.

– Ну, выпил, а что, ты моя мамочка? Выпить уже нельзя?

– Да... нет, наоборот, это даже хорошо.

Фил тяжело вздохнул, жестом попросил Мориса присесть. Морис не стал спорить.

– Сегодня нашли тело очередной жертвы.

– Что, тоже виселица?

– Нет, прыжок из окна.

– Хм, что-то новенькое.

– Морис, пожалуйста, не перебивай, выслушай внимательно.

– Хорошо, слушаю очень внимательно, зануда.

– Жертва – мужчина... и... и...

– Ну что? Говори уже.

Фил опустил взгляд.

– И этот мужчина – Мики.

Фил замер, боясь смотреть в сторону Мориса, мысленно приготовившись к любой реакции: от слез до разрушения мебели в приступе гнева и отчаяния, но не чего на удивление не произошло. Морис лениво осмотрел бутылки, стоящие у кровати, нашёл наполовину пустую бутылку виски, отхлебнул горячительного пойла и начал что-то безуспешно искать взглядом. Его лицо «трещало» от неопределённости эмоций, губы то и дело пытались то улыбнуться, то скорчиться, выдавая горесть. Отхлёбывая виски из горла, Морис ходил по комнате, ловя на себе обеспокоенные взгляды гостей. Наконец он остановился, взял что-то с полки у изголовья кровати и, подойдя к Филу, протянул руку к его лицу.

– Давай я тебе хотя бы нос клоунский нарисую, а то я тут заметил – у тебя теперь он вовнутрь головы растёт.

Казалось, плотину эмоций сейчас прорвёт и последняя стена, сдерживающая волну, рухнет, но лицо Мориса было каменным, пугающе мёртвым. Отодвинув руку с фломастером от сломанного носа, Филипп обнял Мориса, но тот по-прежнему был в оцепенении.

– Поехали – пробубнил мужчина и, оттолкнув Фила, резко повернулся к ним спиной чтобы те не видели катящихся по щекам слёз.

– Куда поехали?

– В город! Найду этих... и прикончу!!!

Капли дождя били по крыше автомобиля. Развалившись на заднем сидении в клубах сигаретного дыма, Морис искал до боли знакомые очертания бледнолицего человека с яркими кровавыми губами, того самого человека, присутствие которого с каждой каплей алкоголя становится более явным. Он улыбался, окутывая заботой и теплом и выпитывая с каждым своим вздохом всю боль и всю грязь из воспоминаний, создавал иллюзию спокойствия и контроля над ситуацией. Алкоголь – один из главных иллюзионистов этого мира. Покуда бледнолицый сдерживал боль, Морис пытался размышлять, отбросив чувства, пытаясь забыться. Мики пытался в течение последних двух лет выяснить причину смерти своей жены, упрямо не веря в передозировку лекарствами. Может ли быть, что он все-таки подобрался к решению загадки, но

подобрался слишком близко? Фил сказал, что это случилось по адресу прошлого проживания Мики, но что заставило его приехать туда и почему это выглядит как неудачная попытка имитации самоубийства?

«Что ты пытался сказать этим, старый плут? Зачем подставился под удар?» – мысленно спросил у Мики Морис, как будто тот мог ему ответить.

Бутылка опустела. Бледнолицый достал опасную бритву и готовился забрать долг с огромными процентами. Холодный ветер из приоткрытого окна обдувал лицо, гость достал часы. Стив включил приёмник, лёгкий блюз дополнял картину пустынной разбитой дороги, кривых, одиноко торчащих посреди полей деревьев и без усталости лупящего водяным хлыстом землю ливня. Морис закрыл глаза, проваливаясь в полудрёму.

* * *

Яркий свет, скрип кровати, боль, ужом проползшая через поясницу. Капли воды, стекающие по телу, с кончиков волос. Полотенце, халат, не увенчавшиеся успехом поиски тапочек – утро. Чайник шипит все так же, как обычно, гневно извергая пар, пакетик зеленого чая и две ложки сахара, сковородка, миска яичных белков, взбитых с молоком, шкворчащее мясо – идеальное соединение холода и жара преподносит прекрасный завтрак холостяка. Последний штрих – нажатие кнопки «плей» на проигрывателе – и по квартире разлилась чарующая музыка. Морис, пританцовывая, щёлкая пальцами в такт музыке, прошёл в кухню.

– Хорошее утро, очень хорошее, – повысив голос, будто разговаривая с кем-то, сказал Морис. Морис хотел уже сесть за стол, но всю идиллию нарушил жёсткий металлический стул. Морис поморщился.

– Ну, вот, а как же удобства и мягкость для моего зада, неужели не заслужил? Аха-ха-ха.

Стул был благополучно отодвинут быстрым движением ноги в пыльный угол. Морис исчез, но через мгновение послышалось ворчание и звук ударов о стены и дверные проёмы. Ворча и причитая себе под нос, Морис, схватив руками, в неловкой позе тащил перед собой мягкое кресло с деревянными подлокотниками. В очередной раз не войдя в дверной проём, Морис опустил злополучное кресло и, вытерев испарину со лба, стал пристально смотреть на него, видимо, в надежде, что оно оживёт и само сделает все за него. Спустя двадцать минут Морис добился чего хотел. Нет, кресло не ожило... но, развернув его боком, Морис все-таки протащил мягкость для своего зада в кухню, плюхнулся на сиденье. Пальцами вцепился в подлокотники и, развалившись, удовлетворенно выдохнул. Настроение было хорошее, и было наплевать на больную поясницу. Набрав в лёгкие воздух, отстукивая пальцами ритм по подлокотникам, Морис во все горло прокричал припев из песни, играющей на заднем плане. Подмигнул левым глазом, будто перед ним стоял солист и одобрительно кивал, реагируя на скрежет голоса Мориса, и приступил наконец-то к завтраку.

– Чёрт, все остыло!!!

Спустя пару минут Морис вталкивал в себя потерявший прежний вкус завтрак. Еда только с пылу с жару имеет неповторимый вкус, в отличие от той, которую повторно разогрели, именно такого мнения придерживался Морис, но так как готовить повторно было лень, пришлось отойти от своих собственных правил, что было редкостью для ворчуна, и съесть разогретую в микроволновой печи.

На дворе была замечательная погода, да к тому же Морис взял отпуск, и ближайшую неделю можно было не думать о работе и сходить уже наконец-то в музей, где были представлены в хронологическом порядке этапы зарождения практически всех направлений музыки с их ярчайшими представителями. Беззаботность обитала в каждой клеточке тела.

Старые часы издали трещащий звук и пошли. «Чудеса, видимо, батарейки встряхнулись от вибрации», – предположил про себя Морис. В дверь постучали. Морис максимально без-

заботно повернул дверную ручку, даже предварительно не посмотрев в глазок, и, выставив улыбочивую физиономию на обозрение пришедшему, был отброшен в сторону. Дверь слетела с петель и, подхваченная мощным потоком чёрного клубящегося воздуха, превратилась в труху. Тёмная, вязкая субстанция расплзлась по стенам, разъедая их. Ход часов стал настолько громким, что заложило уши. В дом, стоя на стуле, медленно влетел бледнолицый, на шее была затянута петля. Обмотав концом верёвки запястье, он то и дело дёргал её и, дожидаясь состояния, близкого к потере сознания, ослаблял натяжение, вдыхал воздух и повторял процедуру. Его грудь была раскурочена крупнокалиберной дробью. Не дожидаясь реакции, бледнолицый вытащил одну из дробинок из раны.

– Даже малое несёт разрушение, – прошипел он и отправил дробишку в лоб Морису.

* * *

Морис проснулся, обливаясь холодным потом. Пьяный бред ещё не развеялся, справа на кресле сидел мертвецки бледный гость. Морис вжался в сидение, он был до конца не уверен в том, что это фантазии, и от этого у него начиналась паника.

– Время вышло.

Убрав часы, красногубый улыбнулся, приблизился и, нежно поцеловав в лоб, как можно медленней, причиняя максимальную боль, разрезал горло Морису опасной бритвой. Вся моральная и физическая боль вернулась в трёхкратном размере, иллюзионист-алкоголь, отवेशивая поклон, растворился в клубе дыма.

Морис закричал сквозь сон и проснулся окончательно.

Машина сбавила ход, остановившись на обочине.

– В чем дело?

– Колесо, кажется, пробили.

«Замечательно».

Ручка домкрата вращалась нехотя, то и дело застревая и не давая продолжить работу.

– Стив, откуда ты только взял эту рухлядь? Ты что, за столько времени не мог купить себе нормальный домкрат?

– Не ворчи, крути ручку.

– Р-р-р-р-р...

– Морис, зараза, вылез из машины. В родео решил поиграть? Перестань ёрзать своей задницей по салону. Проснулся – вылазь, или нам тебя силой вытаскивать?

Морис высунул голову в открытое окно, щурясь от попадающих в глаза капель.

– Да пошёл ты...

– Вот что с тобой делать?.. – протянул Фил, встав в полный рост.

– Стив, тащи запаску.

Морис вышел из машины.

– Ладно, так и быть, убедили.

Машина с грохотом соскочила с домкрата.

– Морис!!! Какого лешего?!! Зачем так дверью хлопать? Я чуть без пальцев не остался.

– Откручивай оставшиеся гайки, а не кричи на меня...

Филипп старался не срывать на друга, понимая, что ему сейчас и так нелегко, и предпочёл молча откручивать гайки, складывая их в карман.

– Дёрнул же тебя черт переехать в эту глушь, тут даже дорог нет.

– Во-первых, это не глушь, тут всего два часа езды от города, а во-вторых, тут тихо, спокойно, а я так устал от людской суеты и злобы, что спрятался тут, подобно ребёнку, в шкафу. Тебе этого не понять.

– Ну-ну...

– Все, готово. Стив, будь добр, закинь дырявую крышку в багажник. Мор, можешь опять ёрзать своим задом, залазь в машину.

Фил, сидя, стянул с себя джинсы и мокрую футболку, кинув их вниз, на резиновый коврик в ногах, остался в одних трусах Морис долго наблюдал за действиями Фила, пока все-таки не решился спросить то, что его, судя по взгляду, волновало последний час:

– Фил, все хотел у тебя спросить: что у тебя с носом? Что случилось?

– Да... пустяки. Проводили задержание, бойкие нарушители попались, но я их хорошенько дубинкой приложил, навек запомнят.

Фил не мог признаться, что его избили и, связав, выбросили в большой мусорный бак около полицейского участка.

– Бойкие нарушители. Хм... да скажи прямо: подростков гонял по дворам, и тебя какой-нибудь маленький конопатый мальчуган палкой приложил. Дяденька с детьми дерётся, аха-ха-а. – Фил лишь поскрежетал зубами.

Машина удалялась из поля зрения, авторучка оставляла следы на едко-жёлтой, светящейся огнём бумаге. Вода, попадая на страницы, моментально испарялась, человек стоял в облаке пара. Машина отдалялась, дождь шёл, человек, оперевшись на ствол скорчившегося одинокого дерева, провожал автомобиль взглядом, улыбался краем рта, обнажая крючковатые зубы.

«Они вели себя как дети, как дети, не осознающие конца, как дети, не ценящие последние моменты». Тетрадь закрылась.

– Куда едем, Мор, на квартиру тебя отвезти?

– Нет. Поехали к Мики в морг.

– Тебя сейчас туда никто не пустит.

– Значит, поехали в бар, меня начинает отпускать, а это не очень хорошо – я начинаю осознавать бренность этого мира.

* * *

Бармен рисовал чёртиков на полях в журнале с обнажёнными красотками, когда машина с весёлой компанией подъехала ко входу.

Морис открыл дверь с ноги и вразвалку, напевая очередную песню хриплым голосом, подошёл к стойке. За ним следом, промокшие насквозь, с хмурыми лицами, завалились Фил и Стив. Морис с трудом залез на высокий стул.

– О-о-о, бор-родачи какие, – протянул мужчина, проведя пальцами по резной столешнице.

Барная стойка была похожа на высоченный резной стол для жертвоприношений. Сцены войны, корабли с грозными, одетыми в шкуры викингами на борту, леса, горы, женщины с детьми и сцены зачатия и родов, и в самом центре столешницы вырезана луна, треснувшая пополам. Этот знак был вырезан на всей мебели в баре, даже на входной двери.

– Здравствуйте, что будете?

– Ик... Ну-у, здорово... Плесни мне виски... ик... будь так... ик... добр.

Фил подошёл к бармену и попросил его перестать наливать, когда тот даст ему знак, что Морису хватит, так как Морис сам это не контролировал, а Фил не был уверен в наблюдательности бармена. Морис пил виски как воду, в перерывах прося включить музыку. Бармен долго сопротивляться не стал и, включив музыку и устав от просьб переключить трек, посадил Фила за компьютер, мол, сами переключайте, если так хотите.

Стив вернулся из уборной, он решил отдохнуть и пил вместе с Морисом, но его желудок сдался, отправив хозяина рыгать обратно в уборную.

– Ты как?

– Спасибо, уже лучше.

Морис уже не мог сидеть и, подложив под голову куртку, лёг головой на столешницу.

– Мор, может, уже хватит пить? Передохни.

На часах было 5 утра.

– А вы до какого времени работаете? Уже 5 утра.

– Мы работаем круглосуточно, сейчас меня подменяют можете не торопиться.

В бар вошёл широкоплечий мужчина, одетый в длинную мантию кочевника, свисающую почти до самых колен, высокие коричневые ботинки с заправленными в них чёрными широкими штанами из плотной ткани – смесь джинсов и трикотажа завершающим штрихом в его образе были самодельные часы с большим циферблатом с защитной крышкой выполненных в стиле стимпанк.

– Здорово, брат. Сегодня без опоздания...

Мужчина молча подошёл к бармену и, пожав ему руку, развернулся к гостям.

– Сегодня у нас игра: кто меня перепьёт, тот может пить и есть за счёт заведения. Есть желающие?

– Готовься проиграть!

– Хах!

Мистер Стильные часы налил чёрной мутной жижи, отдающей железом и спиртом.

– Поехали!

Морис залпом выпил рюмку и почувствовал дикое, омерзительное, болезненное ощущение в полости рта. Рот, желудок и даже лёгкие пылали, их скручивало дикой болью. Морис свалился со стула и начал блевать чем-то тёмным, похожим на дёготь. Морису стало легче, он поднял голову, жижи было в разы больше, чем вышло из организма. Свистящий звук наполнил помещение. Он усиливался, превращаясь в отвратительно невыносимый писк. Морис схватился за уши. Мозг в черепной коробке раскалялся. «Ещё мгновение – я буду готовым завтраком туриста, зажаренным на костре», – подумал Морис. Стоило подумать о преждевременной кончине, как всё прекратилось. Раздался громкий хлопок.

Морис проверял состояние слуха, закрывая то одно ухо, то другое и выкрикивая все, что приходило на ум, а на ум в этот момент приходили лишь маты. Здоровый, взрослый человек сидит посреди поля и выкрикивает маты – забавная ситуация. Стоп, поле? Откуда тут взялось поле? Морис сидел посреди бескрайнего поля засеянного странными растениями с синими листьями, побеги достигали 4 метров в высоту. Не веря своим глазам, Морис встал и, пребывая в шоке, начал во всю глотку орать матом, проклиная весь мир.

– Кто этот м...ак, что это устроил?! Твою мать, вытащите уши из кармана в своих задницах и услышьте меня, кто-нибудь!

Устав кричать мужчина пошёл вперёд, надеясь выйти к жилым домам или проезжей чести.

Морис вышел на участок с маленькой ярко-зелёной газонной травой, чуть поодаль на бревне сидела фигура в капюшоне.

– Садись! – скомандовал властный голос.

Морис не послушался и попытался уйти. Обернувшись, Мор потерял дар речи: небо разделялось на светлую сторону и тёмную. На тёмной стороне была луна на светлой солнце. Небесные тела были непривычно больших размеров, было страшно смотреть на них, вот-вот – и они коснутся земли и, покотившись, передают все живое. Помимо разделения в небе было разделение и на земле. На светлой – поле. На тёмной – воплощение человеческой, искусственной природы – города, светящегося в ночи.

– У меня мало времени, а мне необходимо с тобой поговорить.

Морис сидел на бревне по соседству с незнакомцем, не ведая, как там оказался, тело не слушалось.

– Это меры предосторожности, говорю же: времени мало, неохота тебя потом искать, если сбежишь.

– Ты глюк? Я упился до чёртиков?

– Не без этого, но я не глюк. Я задам пару вопросов, отвечай коротко и по делу, время идёт.

Рот Мориса автоматически согласился и не открывался, не давая хозяину высказаться в лицо человеку в чёрном и не давая подвергать жизнь смертельной угрозе после резких высказываний.

– Как тебя зовут?.

– Морис.

– Хм... Приятно познакомиться. Расскажи мне о себе и чем ты занимаешься.

Морис почему-то захотел рассказать все, вытряхнуть душу и поплакаться в плечо, как только услышал голос незнакомца.

«Он меня контролирует, черт!!» – промелькнула мысль.

– Я полицейский, занимаюсь расследованием убийств. – Морис сам того не заметил, как начал рыдать. – Убийства друга. – У Мориса началась истерика.

– Как умер твой друг?

– Он... он... выпрыгнул из ОКНА-А...

– Почему это убийство, если он сам выпрыгнул?

– Слишком много... самоубийств в последнее время, я не верю в совпадения, его... убили.

После фразы про самоубийства собеседник нервно засопел, а в небе взорвалась и погасла звезда.

– Мне все предельно ясно. Отправляйся домой.

Мор очнулся на стойке бара в окружении недовольных бородатых физиономий.

– Наконец-то очнулся. Пойдём, хватит с тебя.

Морис оглядывался по сторонам, всматриваясь в лица, но не увидел человека в капюшоне.

* * *

Морис одиноко сидел на поребрике возле входа в морг уже 40 минут, он не мог решиться войти. Он поднимался, ходил из стороны в сторону, нервно потирая ладони, пошатываясь от не до конца прогоревшего внутри алкоголя, всплывающего болю в висках и тошнотой. Яркой болю вспыхивали воспоминания о последней встрече друзей.

– Морис, спасибо, что пришёл.

– Брось... как я мог не прийти?

– Давай только без лишней жалости... Я тебя прошу.

Мики наливал чай и пытался натянуть улыбку, но боль просачивалась через маску, разрывая её. Сделав плоток чая, маска раскололась, по щекам потекли слезы. Маска, сдерживая вой, уткнулась в рукав дурацкого полосатого халата.

Морис обнял Мики. Крик боли пронизывал плечо Мориса и оседал грустью в сердце. Каждой клеткой Морис ощущал то отчаяние, что чувствовал друг.

– Поплачь, дружище, поплачь, выговорись – легче будет.

– Черт!!!!

Выкурив очередную сигарету, отгоняя похмельные игры сознания, Морис рывком встал с холодного камня и быстрым шагом, отбрасывая все мысли, чтобы не развернуться и не пойти обратно выкуривать сигарету за сигаретой, дёрнул дверную ручку. Морис пролетел обшарпанный коридор с потрескавшейся плиткой со скоростью метеора. Мысль о том, что сейчас он

увидит посиневшего мёртвого лучшего друга, взрывала мозг. Черепушку сдавливало, Морис не мог вдохнуть полной грудью, диафрагма панически вибрировала, не в состоянии успокоиться и дать вдохнуть.

Развалившись в кресле, слегка упитанный мужчина с щетиной и мешками под глазами, расстегнув ремень на брюках, сдавливающий брюхо, и почёсывая проплешины на голове, смотрел шоу под названием «Один день из жизни мухи».

– А что если эта муха, летая зигзагами, пытается что-то мне сказать? – рассуждал врач. Муха дёрнулась в сторону. – Это было похоже на букву Г, а это похоже на О, а это В. Завораживает. В ходе долгой аналитики мы получаем «гов»... Хм-м... Что?!!

Хлопнула дверь. В комнату влетел Морис, его лицо не выражало никаких эмоций, они будто потухли, погрузив хозяина в уныние и пустоту. Маркус махнул Морису, приглашая подойти, но тот в упор его не видел. Маркус перевёл своё внимание обратно на потолок.

– Так на чем мы остановились?

Муха больше ничего не говорила. Запутавшись в паутине, она стала кормом для паука.

– А все-таки, дорогая, ты была права – жизнь полна гов#а... Сейчас ты говоришь – тебя не слышат, не понимают, а когда тебя сожрут, разводят руками. Садись. – Маркус указал на кресло напротив и, не говоря ни слова, достал стаканы и бутылку виски. – Да... Мор, какими бы профессионалами мы ни были, сколько бы смертей ни видели и какие бы барьеры внутри ни строили с целью сохранить психику, своих терять всегда больно. Ведь, находя мёртвыми других, ты молишься всем возможным силам и надеешься, что дорогих тебе людей обойдёт несчастье. Ты помогаешь другим, осознавая, что им, кроме тебя, никто не поможет, жертвуешь собой, надеешься после этой сумасшедшей гонки встретить друзей и членов семьи и, смотря им в глаза, улыбнуться, ощущая себя в маленьком мирке тепла и близости, вдалеке от несправедливости. – Разлил напиток по стаканам. – Но увы... Пока ты помогаешь другим, зачастую ты не успеваешь помочь своим или вовсе не замечаешь, что им нужна помощь. Мир – это сумасшедшие карусели с ржавыми перилами и сидениями, вращающимися с неистовой скоростью, и никогда не знаешь, какое из этих сидений во время движения оторвётся и кто будет на этом сидении. И так бывает, что эти маленькие мирки рушатся, и им нужен ремонт. Я тебя понимаю, друг, держись, это жизнь.

– За Мики.

– За Мики! – Мужчины опустошили стаканы до дна.

– Судя по тому, что от тебя пахнет алкоголем, и это не из-за того, что мы сейчас выпили, ты уже пришёл с таким запахом. И судя по тому, что ты целый час не решался сюда зайти, я это знаю – поднимался вверх и видел тебя маячившим возле входа, тебе это нужно.

– Маркус, ты о чём?

Маркус покопался в ящике и передал Морису синюю папку с заключением судебно-медицинской экспертизы.

– Как по мне, обычный рядовой случай суицида: в крови большое содержание алкоголя и наркотических веществ, травмы, полученные в результате падения, и порезы от стекла, ничего, что могло бы насторожить.

– Не может этого быть! – Листок с заключением полетел в мусорное ведро. – Это бред!!!! Он не мог оставить детей. Не мог... слышишь? – Морис вцепился в ворот свитера Маркуса. – Маркус, я хочу сам, лично осмотреть его, мне недостаточно заключения! Понимаешь?..

– Ради бога... смотри, не впадай в истерику. Пойдём.

Морис осматривал каждый миллиметр тела Мики, судорожно пытаясь найти среди порезов и ссадин хотя бы что-то, что может отличаться от общей картины, и он нашёл. Глаза Мориса загорелись – на предплечье у трупа красовалась татуировка.

– Смотри, а ты говорил, что ничего нет. У Мики никогда не было татуировок.

– А что если он вот так вот вдруг за время, пока ты с ним не встречался, решил себе её сделать?..

– Плевать, я проверю! – прорычал полицейский, перерисовывая увиденное в блокнот.

– Хм-м, солнце, оно же наполовину луна, и под ним символ глаза со стекающей слезой. Ничего такого не видел раньше, надо проверить. До скорого, Маркус.

Морис вылетел из морга, светящийся. «Неужели я смогу искупить вину перед другом за своё отсутствие в его жизни в трудную минуту?» – металась ложная надежда от стенки к стенке внутри черепной коробки.

* * *

На дворе была ночь. Фил слушал радио. Ведущие радишоу обсуждали новости в мире музыки и кинематографа, периодически отпуская неуместные шутки. По мнению Филиппа, такие шутки могли быть смешными, только если в них добавить парочку едких фраз, приукрасив их россыпью брани, этим Фил и занимался. Он добавлял ярких красок в шутки посредством острого словца, это было единственным развлечением во время ночного дежурства, не считая чтение книг.

Устав слушать бесконечную радиоболтовню, Фил шарил по ящикам стола в попытке найти что то, что поможет скоротать время – журнал, сканворд, книгу. Ящики были забиты бумагами и каким-то барахлом. «Эврика», «тот, кто ищет, всегда найдёт» – потрепанная книга в твёрдом переплёте с многообещающим названием «ПСИХ» готовилась к поглощению.

Переплёт затрещал, на Филя смотрело изображение мужского лица с козлиной бородкой, впавшими щеками и острыми скулами. Во внешнем виде мужчины не проглядывалось ничего необычного, кроме разве что кошачьего разреза глаз.

Глава 1

Луна огромным жёлтым пятном возвышалась на небе. Тусклый свет падал на столешницу. Луна холодна и невозмутима, подобна грациозной даме, такая же прекрасная, загадочная, но, к сожалению, одинокая.

– Эта бессонница в скором времени сведёт меня с ума, – пробормотал себе под нос Бальтазар и, отхлебнув горячего чая с бергамотом, откинулся в кресло, сложив руки за головой. На небе то тут, то там вспыхивали звезды. Пролетела комета. Её горящий, раскалённый хвост оставил сияющий ожог на небосводе. Ожог постепенно затягивался, пока вовсе не исчез. Треск горячей свечи и ход настенных часов разрушали тишь. Бальтазар измученно повернул голову в сторону часов – три часа ночи. Бальтазар, со скрипом ступая на половицы, подошёл к огромному шкафу. Он занимал большую часть комнаты. Взяв длинный чёрный плащ, мужчина сложил его в рюкзак, клетчатая рубашка легла на худые плечи, тёмные брюки и белоснежные кеды с красно-синими полосками по бокам дополнили образ. Посмотрев в зеркало, мужчина подметил, что, несмотря на то что одежда была более-менее приличная, она не могла отвлечь на себя внимание от измученного лица с болезненными мешками под глазами и от не менее болезненной бледной кожи.

– М-да... Мертвец восстал из гроба.

Парень умывался прохладной водой из под крана. Лучшее выглядит Бальтазар не стал, но по крайней мере взбодрился. Вернувшись в комнату...

– Интересно?

Фил от неожиданности чуть не свалился со стула. Морис был похож на промокшую кошку. Серое пальто от воды стало чёрным, с рукавов струилась вода, и разило перегаром. Счастливая мокрая пьяная кошка с бутылкой рома.

– Успокойся, это всего лишь я. Опустит карандаш, аха-ха! Затыкаешь насмерть, аха-ха!..

Фил не сразу понял, о чем идёт речь, но тут осознал, что в правой руке у него зажат острый карандаш и рука занесена для удара.

Фил, рассмеявшись, положил карандаш на стол.

– Вот... правильно, а то индеец нашёлся, карандашами махать, это тебе не копьё. – Фил залился смехом.

– Да ты себя видел?! Выглядишь как тряпичная кукла, после стирки.

Шутка была несмешная, но Филу хватило и этого, чтобы самодовольно рассмеяться. Морис улыбнулся краем рта, всем своим видом показывая, что Фил ещё тот идиот. Фил заметил это, а также заметил, что смеётся только лишь он. Издав пару контрольных «ха-ха», окончательно убедившись, что шутка не дошла до адресата, замолчал.

– Фил, а почему сегодня ты дежуришь? Сегодня Стив должен дежурить.

– Он приболел, попросил подменить.

– Заболел... хм... Чем, интересно? Купил новую модель корабля или самолёта и сидит клеит её.

– Не подшучивай над ним. Мор, у всех есть увлечения и слабости.

Мор поднял руку, указывая на бутылку, демонстративно отхлебнул поила.

– Я... так... словами бросаюсь. Он славный парень... и-и... а-а-а, плевать, забудь!..

Пошёл он! Аха-хах!!

– Уже забыл, лучше скажи, чего ты припёрся посреди ночи, почему днём не мог зайти?

– Я кое-что обнаружил, и мне нужен наш архив, а днём не пришёл, потому что не хотел видеть пороссячью физиономию Жана, ну и ещё... – Опять поднял бутылку, используя её в качестве объяснения.

– Ну, мне все ясно. Держи ключи и иди сам посмотри, только учти: если что-то пропадёт, ну, мало ли, тебе надо не просто посмотреть, а что-то забрать, то Жан с меня шкуру спустит. У него обострилась паранойя, ходит как ищейка, всех в чем-то подозревает. Не подставляй меня. Постарайся ничего не разнести по дороге.

– Начальничек, как всегда, всю работу скидывает на других, а сам от безделья с жиру бесится. Ничего нового. Не переживай, Филипп, всё будет хорошо.

– Нужна будет помощь – зови.

Филипп погрузился обратно в книгу.

Закрыв входную дверь на ключ и опустив на окна металлические жалюзи, Бальтазар подошёл к шкафу. Шкаф был разделен на две части, отличающиеся друг от друга. Левая половина была покрашена в белый цвет правая в чёрный. На дверях были изображены: Солнце и месяц противоположного дверям цвета. Закинув рюкзак на плечо, Бальтазар подошёл к чёрной двери и, потянув за ручку в форме человеческого черепа.

Из шкафа тянуло холодом. Отодвинув одежду в сторону, мужчина щёлкнул выключателем. Внутри, зажглась флюоресцентная лампа, открыв взору крепкую увесистую дверь. Повернув задвижку, я попал...

Стоп... я? Хм...

Фил вернулся на титульную страницу. Прямо над фото, видимо, самого Бальтазара мелкие буквы гласили: «Личная собственность Тени, любой, кто читает чужие дневники, онанист, любящий наблюдать за чужими жизнями. Но тот, кто читает мой дневник, либо

самоубийца, либо избранный. Выбирать тебе». «Это чей-то дневник, поэтому повествование ведётся местами от первого лица», – пришло озарение к Филиппу.

Полицейский был готов поклясться, что до этого надписи там не было. «Ну, если это действительно чей-то дневник, а не хитроумный замысел автора, то нечего разбрасывать свои вещи. Если я его нашёл, будем считать, что я избранный. Всё равно никто не узнает». За окном кто-то громко рассмеялся.

– Молодёжь... ходят, орут в такое время... раздражают. Я работаю, а они шарахаются, – прорычал Филипп.

* * *

Я очутился в длинном коридоре, выложенном камнями, пахло сыростью и землёй. Несмотря на сырость и холод, я не надел пальто – оно по-прежнему тряслось в рюкзаке, – оставаясь в одной тонкой белой футболке.

Эта часть туннеля была в хорошем состоянии, кладка выглядела так, как будто её только вчера положили. Яркие светильники так кучно установлены, что не было ни одного не освещённого угла. Проходя мимо закрытой ржавой двери со смотровым оконцем с задвижкой, Бальтазар провёл рукой по металлу и, простукивая костяшками пальцев поверхность, внимательно слушал, как звук обволакивает пустое помещение за дверью и эхом возвращается обратно. К счастью, акустика катакомб, пещер и туннелей позволяет это сделать. У меня сверхчувствительный слух, и это позволяет слышать ещё лучше, я сказал Бальту, что там пусто... У Бальта стучало сердце, он почему-то очень боялся, что что-то на той стороне встанет на пути звуковой волны, как будто кто-то может зайти туда сквозь камень, не используя дверь. Бальтазар такой странный и глупый. Я вылез по кованой лестнице на поверхность и оказался посреди поля. Шёл ливень. Бальт, недолго думая, побежал сквозь поле по грязи и глубоким лужам. Грязь разлеталась с каждым шагом, пачкая все большие и большие белую футболку, про белые кеды даже говорить не стоит. Штанины до колена поглотила грязь. Бальт улыбался и смеялся, похоже, он был в восторге от такой погоды, я же хотел прибить его за любимые белые кроссовочки. Стремительно приблизившись к просёлочной дороге, я решил передохнуть, оперевшись на одинокое дерево. Бальт молчал, он только улыбался.

Послышался гул мотора. Я достал клочок бумаги из кармана, на нем было написано время – 23:20. Я взглянул на время – 23:18, 23:19 – пора. Автомобиль стремительно приближался. Я махнул рукой, в воздухе материализовалась разбитая бутылка из-под рома. Развернув её острым краем в сторону машины, я закончил приготовления к встрече.

– Сейчас!!

Бутылка исчезла. Автомобиль занесло на грязи. Послышались недовольные голоса. Бальт был рад. Из машины, шатаясь, вывалился мужчина крепкого телосложения с короткими чёрными волосами. Он по-детски ловил ртом капли дождя, пробираясь по грязи.

– Это же точное описание нашей поездки...

У Фила бежали мурашки по коже. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он дочитал последний отрывок.

Человек был расстроен и подавлен, но он умел радоваться мелочам, несмотря на своё состояние. Так же, как и я.

– Филипп, интересно читать чужой дневник?

Фила бросило в холодный пот.

– Не стоит так волноваться. Филипп, кто ты – онанист или избранный? Напиши свой ответ. Это не шутка, надеюсь, ты понимаешь.

Фил схватил авторучку, его трясло, он вытер пот со лба.

– Извините...

Ниже появилась надпись:

– Меня зовут Паук, обращайся ко мне именно так.

– Но я думал, вы Тень.

– Хм, внимательный. Да, я Тень, но называй меня Паук.

Фил начал заново:

– Извините, Паук, я не хотел читать ваш дневник, я лишь хотел убить рабочее время, я не думал, что это так важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.